

Между этосом научности и полицией нравов: Макс Вебер как полемист¹

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Статья посвящена уникально-специфическому публичному профилю Макса Вебера, который, с одной стороны, вошел в историю социальной мысли в качестве убежденного сторонника ценностной нейтральности научного труда, а с другой стороны, являлся страстным полемистом, готовым даже по незначительному поводу устроить общественный скандал. Вначале указывается на амбивалентное понимание Вебером этоса современной науки как методически контролируемого поиска объективного знания о мире на грани самоотречения ученого, свободного от воздействия внаучных мотивов. При этом фиксируется парадоксальное сочетание в веберовской антропологии науки императивов аналитической трезвости и страстного служения своему «демону». Утверждается, что подобная амбивалентность была свойственна самому классику немецкой и мировой социологии, соединявшему в своей титанической личности крайности ученого отшельника и мировой знаменитости, имеющей репутацию неуравновешенного скандалиста. Далее приводятся суждения о выдающемся социальном мыслителе, сделанные представителями противоположных политических течений, причем как правых консерваторов, так и левых экстремистов. На материале ряда громких скандалов, ставших достоянием научной и широкой общественности Германии начала XX века, показан механизм веберовского вовлечения в конфликты с различными оппонентами на личном и институциональном уровне. Ставится вопрос о практической значимости для самого Вебера его собственных научно-теоретических и методологических принципов, канонических для самопонимания профессии ученого современного типа. В заключение анализируется страстная полемика вокруг знаменитого веберовского сочинения «Протестантская этика и дух капитализма», реконструируемая на примере критики историка Ф. Рахфала и ответной «Первой антикритики».

Ключевые слова: Макс Вебер, наука как профессия/призвание, этос ученого, ценностная нейтральность, сфера публичности, скандалы, научная полемика

Классик немецкой и мировой социологии Макс Вебер, помимо прочего, вошел в историю социальной мысли как автор канонического для современной теории и методологии науки текста «Наука как призвание/профессия», прочитанного в виде доклада в ноябре 1917 года и в доработанной версии опубликованного в 1919 году. Как известно всем изучавшим историю и философию науки, в этом сочинении он обсуждает внешний институциональный дизайн и внутренний этос науки как определенной ценностной сферы и жизненного порядка. Про-

1. Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Стратегии нормализации повседневности в чрезвычайных ситуациях: инерция аффекта и открытость вызовам», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2023 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

должая центральную линию на ценностную нейтральность всего научного предприятия модерна, Вебер защищал автономию науки как уникального для истории человечества ресурса познания — как самого себя, так и «фактических взаимосвязей». В «методологически-логических» работах, объединенных вдовей ученой Марианной Вебер в 1922 году в томе под названием «Избранные сочинения по наукоучению», им отстаивается идеал профессионализма как методически контролируемой трезвости и строгой предметности на грани самоотречения — по ту сторону политической или любой иной идеологической ангажированности и самопрезентации (Weber, 1985).

При этом Вебер прямо противопоставлял интеллектуальной честности и сознательной предметной ограниченности ученого всякого рода попытки мировоззренческой индоктринации студентов посредством «кафедрального пророчества». Одним из наиболее опасных академических грехов он считал профессорское злоупотребление свободой слова в виде ловли душ молодых людей на идеологических проповедях «пророков» и «демагогов» с университетской кафедры, под прикрытием различных наукообразных нарративов. Кете Ляйхтер, защитившая свою диссертацию по национальной экономике у Вебера в 1918 году, позже писала о мощной харизме учителя, производившей неизгладимое впечатление на окружающую его молодежь. Согласно ее воспоминаниям, классик сознательно всячески избегал образования «свиты» из числа юных последователей (см.: Leichter, 1963).

На первый, поверхностный, взгляд наука, по Веберу, оказывается сугубо рационализированной сферой узкоспециализированного производства объективированного знания, лишенного в результате расколдовывания мира какого-либо экзистенциального измерения или предельных смыслов человеческого бытия. Однако уже специфический — отчасти религиозно-психологический и даже теологический — словарь наукоучения М. Вебера не допускает такого рода позитивистского редукционизма в отношении фактических практик научного производства². Так, ключевыми понятиями веберовской антропологии науки эпохи технизации и интеллектуализации парадоксальным образом оказываются «вдохновение», «убежденность», «политеизм» и даже «демоны»! А центральным мотивом научного творчества он — несколько неожиданным для протагониста аналитической трезвости образом — и вовсе называет «страсть»: «Ведь для человека как такового

2. На крайне оценочный и эмоциональный характер научного языка Вебера справедливо обратил внимание известный политический философ Лео Штраус в своем труде «Естественное право и история». Ср.: «Его работы, были бы не просто скучными, а абсолютно бессмысленными, если бы он не говорил почти постоянно о практически всех интеллектуальных и моральных добродетелях и пороках соответствующим языком, т. е. языком похвалы и порицания. Я имею в виду выражения, подобные этим: «великие личности», «несравненное величие», «непревзойденное совершенство», «псевдосистематика», «эта распушенность была, несомненно, продуктом упадка», «абсолютно нехудожественный», «остроумное толкование», «высокообразованный», «непревзойденное величественное изложение», «мощность, гибкость и точность формулировки», «возвышенный характер этических требований», «безупречное внутреннее постоянство», «грубое и путаное представление», «мужественная красота», «чистое и глубокое убеждение», «впечатляющее достижение», «мастерская работа высшей степени». См.: Штраус, 2007: 53.

не имеет никакой ценности то, что он не может делать со страстью» (Вебер, 2006). Как показывает исследовательская, преподавательская и публикационная биография самого Вебера, здесь он говорит прежде всего о самом себе.

В мировом вебероведении сложился своеобразный консенсус относительно личностного профиля Вебера как обладателя довольно страстного темперамента и крайне импульсивного полемиста, которому лишь с большим трудом и далеко не всегда удавалось реализовывать сформулированные научно-методологические принципы³ в собственной академической и публицистическо-издательской практике. Очень точная оценка личности классика социологии дана в недавней книге Л. Г. Ионина: «по характеру своему он спорщик, скандалист, иногда даже с элементами истеричности. Будучи человеком публичным, активным в политике и публицистике, он не раз впоследствии затевал по различным поводам медийные скандалы, доходящие до суда или почти до дуэли» (Ионин, 2022: 48).

По сути, ему приходилось наступать на горло собственной песне, чтобы умерить страстность своих оценок в отношении коллег и их работ. По собственному признанию ученого, своей критикой он пытался играть в своего рода «литературную полицию нравов», устанавливающую стандарты «добропорядочной литературной дискуссии» (MWG I/13: 441, 418). Однако демоническое начало часто брало в нем верх, даже когда речь шла о чисто предметных вопросах в чисто научных интересах. Тимофей Дмитриев в своей недавней статье, ссылаясь на воспоминания Ф. Зома-ри (Somary, 1994: 178-180), приводит крайне показательный случай, произошедший весной 1918 года в венском кафе «Ландман» на Рингштрассе. Заведение находилось рядом с Венским университетом и потому активно посещалось преподавателями и учеными, которые и «стали невольными свидетелями спора между несколькими уважаемыми господами, который, начавшись вполне мирно, затем перерос в ожесточенную перепалку и кончился тем, что один из участников спора в сильном волнении выбежал на улицу». Этим страстным полемистом был Макс Вебер, а его оппонентом — выдающийся австрийский экономист и социолог Йозеф Шумпетер⁴.

Стоит ли говорить, что изначально уважаемые ученые собрались для того, чтобы обсудить важный академический вопрос — помимо Вебера и Шумпетера в разговоре также принимал участие крупный специалист по античной истории Людо Мориц Гартман. К несчастью для окружающих, в ходе дискуссии речь зашла о революции в России: «Шумпетер заявил, что благодаря ей социализм перестал быть “бумажной дискуссией” и теперь вынужден доказывать свою жизнеспособ-

3. Научно-полемика Вебера обсуждается в недавней статье: Филиппов, 2020.

4. По иронии истории, ранее Вебер в своем экспертном заключении для юридического факультета Венского университета, подготовленного в рамках процедуры замещения вакантной кафедры, настаивал на приглашении именно Шумпетера как выдающегося теоретика в области национальной экономики. Он требовал включения молодого коллеги в список кандидатов под № 1, используя свой типичный аргумент, что тот был обойден исключительно по ненаучным соображениям. См.: Schluchter W., 2020: 165-166. При этом Шумпетер был совершенно иного мнения о Вебере как ученом-экономисте: в своей «Истории экономического анализа» он прямо говорил о «почти полной некомпетентности Вебера в экономической теории»: Шумпетер, 2001: 1079.

ность на практике. На что Вебер возразил, что попытка ввести социализм в России, учитывая уровень ее экономического развития, есть, по сути дела, преступление и что социалистический эксперимент неминуемо окончится катастрофой. В ответ Шумпетер холодно заметил, что такой исход вполне вероятен, но что Россия при этом представляет собой «прекрасную лабораторию». Тут Вебер не выдержал и взорвался: «Лабораторию с горой трупов!» Шумпетер парировал: «Как и любой другой анатомический театр». Спор перекинулся на социальные изменения, вызванные войной. Вебер начал критиковать Великобританию за отход от либерализма, Шумпетер возражал ему. Вебер, как вспоминает Зомари, говорит «все резче и громче, Шумпетер — саркастичнее и тише». К спору начали прислушиваться посетители кафе. Наконец, Вебер в сильном возбуждении вскочил со своего места и со словами «Это уже невозможно выносить!» выбежал из кафе на Рингштрассе. Гартман догнал его, вручил забытую в кафе шляпу и попытался успокоить, но все напрасно. На что Шумпетер флегматично заметил: «Ну как можно поднимать такой крик в кафе?» (Дмитриев, 2017: 90-91).

Между тем неизбежно возникает вопрос — в какой мере Вебер вообще был «методологическим веберянцем», т. е. насколько он в своих конкретно-эмпирических работах и научно-политических высказываниях следовал максиме аналитической трезвости и ценностной нейтральности, появившейся довольно рано в его мысли и ставшей программной для его идентичности как социального ученого. Как бы то ни было, веберовский демон науки как страсти никогда не отпускал его — в прямом соответствии с последними строками трактата «Наука как призвание/профессия», где содержится довольно неожиданный для привычного сциентизма призыв найти своего демона и подчиниться ему (Вебер, 2006а: 546).

Примечателен взгляд на Макса Вебера со стороны его недоброжелателей — а великий социальный теоретик обладал редким даром своими резкими формулировками провоцировать общественность, в том числе прессу. Будучи одаренным оратором, он своими публичными интервенциями неоднократно привлекал к себе внимание широкой публики, часто представляя при этом в довольно негативном свете. Это особенно проявилось во время процедуры приглашения Вебера на вакантную кафедру профессора национальной экономики Мюнхенского университета в 1917–1919 годах, когда он столкнулся с резкой критикой со стороны носителей идеологически противоположных течений. Причем как правые консерваторы, так и левые экстремисты отвергали его кандидатуру из-за «неправильных» политических взглядов. Например, контролируемая крупным капиталом пресса писала о нем следующее: «Вебер из Гейдельберга писал в *Frankfurter Zeitung* статьи о парламентаризме и монархической системе, которые наряду с правильными взглядами заходили за рамки либерализма далеко влево. При этом проявилось его странное самодовольство в ходе резкой полемики с другими авторами» (Aschenbrenner, 1917: 629f. Цит. по: MWG II/10: 423). Не менее амбивалентное отношение к Веберу содержалось в экспертном заключении Баварского министерства культов и преподавания, составленном в ноябре 1918 года: наряду с левизной его взглядов

также отмечалось, что он является «одним из умнейших среди нынешних немецких национал-экономов», однако «занимает настолько крайние позиции в своих научных взглядах и столь эксцентричен и бесцеремонен в своих манерах, что многократно приводило к неприятным выступлениям на конгрессах и других мероприятиях» (Ibid.: 424).

Для полноты картины можно привести в этой связи и отзыв о Вебере со стороны левых активистов, заседавших в Мюнхенском совете рабочих и солдатских депутатов 26 марта 1919 года, т. е. менее чем за две недели до провозглашения Баварской советской республики. Протокол заседания одного из комитетов зафиксировал голоса выступавших товарищей, что сегодня представляет интерес как попытка социалистов перейти к прямой идеологической индоктринации посредством науки — т. е. ровно то, с чем всю жизнь программно боролся сам Вебер. Примечательно, что некоторые участники этой дискуссии были известными левыми интеллектуалами, в последующем сыгравшими заметную роль в политической и интеллектуальной истории Германии. Приведем пространную цитату из протокола, чтобы максимально аутентично передать научно-политические обстоятельства, в которых пришлось действовать выдающемуся ученому в последний период своей жизни:

«Пункт 2. Никиш⁵: В здешнем университете на освободившееся после Brentano место ординарного профессора национальной экономики приглашен Макс Вебер из Гейдельберга. Эта дисциплина имеет огромное значение для будущего. Студенты этого факультета позже займут важнейшие хозяйственные должности и от их настроения зависит очень многое. Поэтому на эту ответственную должность должен быть назначен человек, который сумеет пропитать взгляды молодежи социалистическим духом. Brentano отравлял наше студенчество, и Макс Вебер находится в кругу буржуазно-капиталистических идей. Он враг идеи Советов и еще незадолго до революции выступал за монархию. <...> Вебер уже согласился, но есть выход — сообщить общественности о протесте комитета. Насколько известно о веберовском характере, он после этого добровольно откажется ехать в Мюнхен. Мы уже составили такой протест. (Зачитывает.)

Толлер⁶ подчеркивает враждебное отношение Вебера к Советам, но хочет добавить предложение: «несмотря на его научные заслуги». <...>

Толлер: Речь идет об ординариате, который он не должен получить. Но то, что мы вообще не обсуждаем его как национал-эконома, опозорит нас.

Хагемайстер: Не важно, что Вебер имеет мировую славу. Мы должны получить хотя бы и незначительного человека, лишь бы он прививал молодежи социалистические идеи» (Ibid.).

5. В период Веймарской Германии радикальный социал-демократ Эрнст Никиш сблизится с представителями движения «консервативной революции» и станет ведущим идеологом национал-большевизма.

6. Уже в апреле 1919 года Эрнст Толлер станет одним из руководителей Баварской советской республики. После ее падения Вебер во время суда над ее лидерами фактически спас Толлера от казни, засвидетельствовав идеалистический характер его убежденности.

По иронии истории, сам Вебер, яростно критикуя тенденцию преобладания в немецком университете ненаучных критериев при замещении ключевых позиций, прежде всего политических и мировоззренческих, отстаивал в том числе и права левых в рамках академии⁷. Так, самым ярким примером нечестного обращения с меньшинствами для него, помимо явной дискриминации еврея Г. Зиммеля при получении ординарной профессуры, был случай социал-демократа Роберта Михельса, которому было отказано в габилитации в Германии именно по идеологическим основаниям. Ситуация атеиста Михельса осложнялась его отказом крестить детей из-за собственных социалистических убеждений. Для Вебера же это стало поводом для резкой критики, ставшей достоянием как научной, так и более широкой общественности. В качестве примера такого рода интервенций в защиту свободы мнений можно привести его выступление на Втором съезде преподавателей высшей школы, проходившем в сентябре 1908 года в Йене (Schluchter, 2020: 143-144). Его слова были восприняты как приговор всей немецкой университетской системе: «В любом случае, в интересах хорошего вкуса и добросовестности следует потребовать прекратить постоянные разговоры о наличии в Германии «свободы науки и преподавания». Ведь очевидно, что мнимая «свобода преподавания» явно обусловлена: 1) наличием политически правильных взглядов и, кроме того, зависит 2) от некоторого минимума реальной или лицемерной религиозности. В Германии свобода науки существует в пределах политически и церковно допустимого, но не вне их» (MWG I/13: 118).

Примечательно, что предложенная Альфредом Вебером резолюция в защиту широко понимаемой автономии исследований и преподавания не была принята съездом. Это не помешало Максиму Веберу возвращаться к данной теме с резко критическими высказываниями о системе высшей школы Германии, что воспринималось многими его коллегами как неадекватная оценка фактических практик немецкой академии начала XX века. Так, его высказывание на съезде преподавателей в Дрездене в октябре 1911 года после газетных публикаций привело к серии опровержений и уточнений смысла сказанного и имевшегося в виду, что увеличило не только число его сторонников. Благодаря мгновенному освещению целого ряда

7. Иногда подобные жесты были связаны для Вебера с риском для его собственной безопасности. В этом смысле показателен публичный скандал в Мюнхенском университете, произошедший в январе 1920 года в связи со студенческими столкновениями в контексте суда над правым экстремистом графом А. фон Арко, застрелившим годом ранее социалистического премьер-министра Баварии К. Эйслера. Вебера возмутила дискриминация левого меньшинства со стороны правого большинства в Общем студенческом совете (AStA) при полном попустительстве ректора университета. Он присутствовал на собрании некоторое время и безуспешно пытался обратить внимание ректора на нарушение внутриуниверситетских правил свободы высказываний. Перед своей следующей лекцией Вебер сделал соответствующее политическое заявление, эксплицитно отделив его от самого занятия — как бы в полном соответствии с собственным «запретом» на пропаганду с кафедры. В результате его последующая лекция была сорвана правыми активистами, и до конца семестра осуществлялся контроль при входе на его занятия. Помимо прочего, AStA подал на Вебера жалобу в связи со злоупотреблением лекциями в политических целях — опять-таки вполне в духе веберовских представлений о ценностной нейтральности университета! См.: MWG I/16: 268-272.

такого рода событий в прессе по всему рейху Вебер приобрел репутацию социально-токсичного скандалиста, готового ради собственных моральных принципов идти на открытые конфликты не только с отдельными персонами, включая родственников и близких друзей⁸, но и с целыми организациями вроде факультетов, научных обществ или газет.

Патриарх немецкого вебероведения Вольфганг Шлюхтер в качестве такого рода примеров неумеренного ригоризма называет несколько громких случаев, привлечших внимание немецкой академии и не только. Среди них — научно-этический скандал 1913 года, вызванный разгромной рецензией пражского ученого П. Зандера на работу ученика Альфреда Вебера А. Зальца. Оскорбленный обвинениями в плагиате, Зальц попросил у Макса Вебера место в издававшемся им журнале «Архив социальной науки и социальной политики» для развернутого ответа. Вебер не только пошел навстречу молодому исследователю, но и добавил к его антикритике пространную редакционную статью, в которой обвинил представителя факультета юридических и государственных наук Пражского университета в ничем необоснованном доношении, грубо нарушающем академическую этику и просто правила приличия. В результате из обычной рецензии⁹ на аспирантскую диссертацию вырос целый публичный скандал, получивший известность как «Вебер против пражского юридического факультета»!

Другим общественно заметным случаем стал конфликт Вебера с прессой, стоивший ему шансов на реализацию крайне амбициозного исследовательского проекта по изучению журналистской общественности, инициированного им самим на первом конгрессе Немецкого социологического общества во Франкфурте в октябре 1910 года (Вебер, 2022). Поводом для судебного процесса и последующего внутриуниверситетского разбирательства стало анонимное сообщение одной из дрезденских газет о том, что Вебер якобы из-за плохого самочувствия отказался от дуэли. Ученый потребовал от издания назвать автора публикации и его источник, поскольку редакционная тайна не может покрывать явную ложь,

8. Редкое исключение в этом отношении представляет протестантский теолог и либеральный политик Фридрих Науман. Судя по всему, Вебер был не способен к близким отношениям и настоящей дружбе, поскольку его патологическая готовность к полемике неизбежно приводила к разрыву с любым партнером. На этом конфликтном фоне взаимодействие с Науманом продолжалось в разные периоды жизни Вебера, и серьезного разрыва отношений, видимо, у них так и не произошло. При этом Вебер нередко позволял себе довольно резкие комментарии в адрес друга и соратника, которого он ценил не только как политического единомышленника, но и как человека, способного заниматься практической работой с удивительной теплотой и спокойствием, а главное — идти на компромиссы. Именно на это был не способен сам Вебер, не пропускавший возможности устроить острые дебаты, вплоть до перехода на личности, угрожать своим выходом отовсюду и т. д. См.: Кильдюшов, 2021: 661.

9. При этом рецензии самого Вебера также отличались резко полемическим тоном даже в отношении уважаемых в научном сообществе коллег. Вебер в своих откликах эксплицитно ориентировался на обсуждаемый в их трудах предмет, а не личность и статус автора. В качестве примера см. его разгромную рецензию на сочинение крупного национал-эконома Луио Brentano, которого он позже сменил на кафедре в Мюнхене: Вебер, 2020а: 204-216. Еще более уничтожающим был отзыв социолога на попытку некомпетентного вторжения в область науки о культуре со стороны наивно-сциентистски ориентированных представителей естественных наук: Вебер, 2020б.

оскорбляющую его личную честь. В ходе суда ему удалось добиться огласки имен как редактора, так и информанта, однако отношения с прессой были окончательно испорчены: ее представители обоснованно увидели в данном деле угрозу сложившимся практикам журналистики. А поскольку источником оскорбляющего достоинства Вебера слуха оказался приват-доцент журналистики Гейдельбергского университета А. Кох, данный скандал быстро перекинулся и на академическое сообщество, в результате чего два преподавателя были лишены *venia legendi*¹⁰.

На основании материалов различных скандалов выдающиеся исследователи веберовского наследия М. Райнер Лепсиус и В. Моммзен пришли к выводу, что для классика социологии был характерен агрессивно-провокационный стиль: он всегда стремился максимально раздуть конфликт, подчеркнуть его моральное измерение, сделать скандал достоянием общественности, спровоцировать противника на обвинение в оскорблении, запустить процедуру в рамках комиссии по академической этике, а в идеале — заманить оппонента в суд (MWG II/7: 6).

По мнению В. Шлюхтера, на часто непримиримый тон Вебера в полемике в значительной мере повлияла та — абсолютно несправедливая, на его взгляд — критика, с которой столкнулись его прорывные статьи о протестантизме (Schluchter, 2020: 171). Таким образом, работы, впоследствии принесшие ученому статус основателя социологии как научной дисциплины и навсегда вошедшие в ее канон¹¹, первоначально встретили довольно холодную реакцию со стороны академического сообщества. Взглянем на полемическую ситуацию с «Первой антикритикой» (Weber, 1910a), написанной Вебером в ответ на отзыв одного из его коллег — историка Феликса Рахфаля, опубликовавшего в научно-популярном издании целый цикл из пяти частей под названием «Кальвинизм и протестантизм» (Rachfahl, 1909).

В примечаниях к «Предварительному замечанию» к Собранию сочинений по социологии религии, составленному самим Вебером в 1920 году, он из обширной критической литературы в связи с «Протестантской этикой» выделяет именно вышеупомянутую пространную критику Ф. Рахфаля и свою первую ответную антикритику, а также вторую критику того же автора (Rachfahl, 1910) и свою вторую антикритику в ответ на нее (Weber, 1910b). При этом он сразу поясняет свое скептическое отношение к данному эпическому по масштабам и по затраченной энергии интеллектуальному агону периода 1909–1910 годов: «Я не включил в настоящее издание ничего из моей довольно бесплодной полемики с Рахфалем —

10. Помимо сплетника Коха, позже права преподавания лишился и философ А. Руге, который позволил себе инвективы в адрес семьи Веберов: сначала он оскорбил Марианну Вебер, а затем, получив жесткий ответ от Макса Вебера, распространял конспирологические теории о его влиянии на философский факультет в Гейдельберге. Причем, по его данным, Вебер состоял на службе у крупного еврейского издания *Frankfurter Zeitung*.

11. Согласно опросу, проведенному в 1997 году Международной социологической ассоциацией среди своих членов, «Протестантская этика» заняла почетное 4-е место в списке книг, оказавших наибольшее влияние на их профессиональное становление. Причем на первой позиции оказался веберовский же посмертный компендиум «Хозяйство и общество». См.: Ионин, 2016: 10.

весьма мною ценимым ученым, который в данном случае вышел за пределы своей компетенции; я ограничился (очень немногочисленными) цитатами из моей антикритики, вставками и замечаниями, которые, как мне представляется, должны в дальнейшем устранить все возможные недоразумения» (Вебер, 2006б: 51-52).

Еще более уничижительным было отношение Вебера к критическим замечаниям со стороны философа Карла Фишера: он даже опубликовал их в 1907 году в своем журнале «Архив социальной науки и социальной политики» (Fisher, 1907), предварив фразой об ошибочном понимании рецензентом веберовской концепции генезиса капиталистического духа (Fisher, 1908a). Как и позже в случае с Рахфалем, на повторную реплику Фишера (Fisher, 1908b) Вебер ответил повторными антикритическими замечаниями (Weber, 1908). Всего четыре антикритики заняли 85 напечатанных мелким шрифтом страниц «Архива», что вполне соизмеримо со 164 нормальными страницами самих статей о протестантизме — почти 75% их объема. Однако заметна разница в отношении Вебера к двум критикам: в версии 1920 года Фишер вообще не упоминается, Рахфаль же лишь однажды, вместе с приведенным выше издевательским замечанием про «недоразумения». Между тем являвшийся признанным специалистом по нидерландской революции Рахфаль¹² своими фактологическими экскурсами публично поставил под сомнение то, насколько Вебер владел историческим материалом по кальвинистской Реформации! Для такого прирожденного полемиста это было сродни объявлению войны, поэтому он сразу переходит на личности¹³...

При этом как минимум часть вопросов Рахфаля сохраняет релевантность до сих пор — прежде всего с учетом не слишком терминологически и стилистически удачной конструкции «Протестантской этики». Несмотря на допустимую между коллегами дружескую иронию, общая тональность рецензии была вполне деловой, ориентированной на предметное обсуждение, но никак не «издевательской». В целом Рахфаль просил Вебера более отчетливо прояснить ключевые аспекты его тезиса, указав на ряд проблемных моментов, например, неконвенциональное употребление понятий вроде «дух», «аскеза» и др.

В мировом вебероведении отмечалось, насколько глубоко его затронула критика Рахфаля (Hennis, 1996: 48). В последующем переводе первой антикритики содержится множество нелестных эпитетов, которыми Вебер характеризует коллегу, осмелившегося бросить ему столь дерзкий интеллектуальный вызов: «Кто действительно читал наши статьи...», «критики типа Рахфаля», «Но что это за “историк”...», «То, что историк не способен различать...», «Если историк позволяет себе...». Саму полемику с Рахфалем он именуется не иначе как «бессодержательной и странной», его контрдоводы — «искусственной и намеренной путаницей»,

12. См.: Rachfahl, 1898; 1906-1924.

13. По мнению одного из биографов Вебера, своим, далеким от научного, тоном тот пытался спровоцировать Рахфаля на дуэль: Каубе, 2016: 394. Когда конфликт Вебера с экономистом Бернхардом Хармсом из Килиа чуть не дошел до дуэли (на саблях!), Рахфаль не преминул отметить, что при последующем отказе от вызова Вебер грубо нарушил правила проведения поединков (Там же: 395).

созданной посредством «чисто словесной “критики”». Некоторые замечания Рахфаля являются для него лишь «классическим свидетельством его полной некомпетентности» и т. д.

Вебер явно раздраженно твердит, что критик просто не понял его метод и аргумент, что на все его мнимые возражения даны ответы в самой «Протестантской этике», что в своей «Антикритике» он вынужден повторяться и т. д. В качестве арбитра он призывает читателя, предлагая тому после «критики» Рахфаля непредвзято перечитать сами веберовские статьи о «духе» капитализма. Причем делает это неоднократно, видимо, осознавая всю малореалистичность такого рода ожиданий даже от лояльной ему аудитории. В заключение Вебер сетует на «издевательский тон» своего критика и на его «нежелание понимать». В его глазах Рахфаль воплощает «недобрый профессорский тип», из-за которого на столь бесплодную полемику пришлось отвести так много места в «Архиве». Вебер завершает свою отповедь своеобразным дисквалифицирующим приговором историку, явно вышедшему за пределы своих базовых компетенций: он заверяет публику в том, что из-за такого рода критики ему не придется поменять в своих работах ни одного слова...

Стоит ли говорить, что непропорциональная эмоциональность и повышенная конфликтность, даже склочность, автора классических работ о ценностной нейтральности научного труда как минимум проблематизирует значимость научно-этических принципов, сформулированных им в методологических сочинениях, для его собственной практики как ученого и публичной фигуры. Парадоксальным — лишь на первый взгляд — образом резкая полемика Вебера и его современников заняла достойное место в истории социальной науки и стала хрестоматийной для реконструкции рецепции. В конце 60-х в знаменитом двухтомнике под редакцией Й. Винкельмана были собраны все критики и антикритики, включая и отклики Рахфаля (Weber, 1968). Судя по всему, более детальное ознакомление социологов второй половины XX века с полемическим стилем основателя дисциплины не только не помешало возрождению веберизма, но даже способствовало росту интереса к наследию страстного классика. Теперь такая возможность появляется и у русского читателя.

Литература

- Вебер М. (2020б). «Энергетические» теории культуры / Пер. с нем. О. В. Кильдюшов // Социология власти. Т. 32. № 4. С. 180-203.
- Вебер М. (2022). Деловой отчет Немецкого социологического общества / Пер. с нем. О. В. Кильдюшов // Социологическое обозрение. Т. 21. № 2. С. 131-148.
- Вебер М. (2006а). Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН.
- Вебер М. (2006б). Предварительное замечание // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН. С. 51-52.

- Вебер М.* (2020a). Теория предельной полезности и «основной психофизический закон» / Пер. с нем. О. В. Кильдюшов // Социология власти. Т. 32. № 4. С. 204-216.
- Дмитриев Т. А.* (2017). Русская революция как опытное опровержение социализма: версия Макса Вебера // Социологическое обозрение. Т. 16. № 3. С. 90-91.
- Ионин Л. Г.* (2016). Вступительная статья редактора русского издания // *Вебер М.* (2016–2019) Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология. М.: ИД ВШЭ.
- Ионин Л. Г.* (2022). Драма жизни Макса Вебера. М.: Дело.
- Каубе Ю.* (2016). Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох. М.: Дело.
- Кильдюшов О. В.* (2021). Макс Вебер и политическая теология Фридриха Наумана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 21. № 4.
- Филиппов А. Ф.* (2020). Макс Вебер в научной полемике. К публикации новых переводов // Социология власти. Т. 32. № 4. С. 167-179.
- Штраус Л.* (2007). Естественное право и история. М.: Водолей.
- Шумпетер Й. А.* (2001). История экономического анализа. В 3 т. / Под ред. В. С. Автономова Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
- Aschenbrenner W.* (1917). Die volkswirtschaftlichen Lehrstühle der Universität München // Allgemeine Rundschau. Nr. 38 vom 22 September.
- Fischer H. K.* (1907). Kritische Beiträge zu Prof. M. Webers Abhandlung: „Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus“ // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 25. Band, 1. Heft. S. 232–242.
- Fischer H. K.* (1908). Protestantische Ethik und „Geist des Kapitalismus“: Replik auf Herrn Prof. Max Webers Gegenkritik // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 26. Band, 1. Heft. S. 270–274.
- Hennis W.* (1996). Max Webers Wissenschaft vom Menschen: neue Studien zur Biographie des Werks. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Leichter K.* (1963). Max Weber als Lehrer und Politiker // Max Weber zum Gedächtnis: Materialien und Dokumente zur Bewertung von Werk und Persönlichkeit, hrsg. von R. König und J. Winckelmann. — Köln und Opladen: Westdeutscher Verlag. S. 125-142.
- Max Weber-Gesamtausgabe (2016). Band I/13: Hochschulwesen und Wissenschaftspolitik. Schriften und Reden 1895–1920 / Hrsg. v. M. Rainer Lepsius u. Wolfgang Schluchter in Zus.-Arb. m. Heide-Marie Lauterer u. Anne Munding. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Max Weber-Gesamtausgabe (1988). Band I/16: Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920 / Hrsg. v. Wolfgang J. Mommsen, in Zus.-Arb. m. Wolfgang Schwentker. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Max Weber-Gesamtausgabe (2012). Band II/10: Briefe 1918–1920 / Hrsg. v. Gerd Krumeich u. M. Rainer Lepsius, in Zus.-Arb. m. Uta Hinz, Sybille Oßwald-Bargende u. Manfred Schön. Tübingen: Mohr Siebeck.

- Max Weber-Gesamtausgabe (1998). Band II/7: Briefe 1911–1912 / Hrsg. v. M. Rainer Lepsius u. Wolfgang J. Mommsen, unter Mitarb. v. Birgit Rudhard u. Manfred Schön. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Rachfahl F.* (1898). Margaretha von Parma, Statthalterin der Niederlande (1559–1567). München/Leipzig: Oldenbourg.
- Rachfahl F.* (1906–1924). Wilhelm von Oranien und der niederländische Aufstand. Bände 1–3. Halle/Haag: Niemeyer/Nijhoff.
- Rachfahl F.* (1909). Calvinismus und Kapitalismus // Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik. № 39–43.
- Rachfahl F.* (1910). Nochmals Calvinismus und Kapitalismus // Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik. № 22–25.
- Schluchter W.* (2020). Mit Max Weber. — Tübingen: Mohr Siebeck.
- Somary F.* (1994). Erinnerungen eines politischen Meteorologen, München: Matthes & Seitz.
- Weber M.* (1910a). Antikritisches zum „Geist“ des Kapitalismus // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Band 30. Heft 1. S. 176–202.
- Weber M.* (1910b). Antikritisches Schlusswort zum „Geist“ des Kapitalismus // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Band 31. S. 554–599.
- Weber M.* (1908). Bemerkungen zu der vorstehenden „Replik“ // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 26. Band, 1. Heft. S. 275–283.
- Weber M.* (1985). Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Hrsg. von Johannes Winckelmann. 6. Aufl. — Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M.* (1907). Kritische Bemerkungen zu den vorstehenden „Kritischen Beiträgen“ // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 25. Band, 1. Heft. S. 243–249.
- Weber M.* (1968). Die protestantische Ethik II. Kritiken und Antikritiken. Eine Aufsatzsammlung. Hrsg. von Johannes Winckelmann. Hamburg: Siebenstern Taschenbuch Verlag.

Between the Ethos of Science and the “Vice Squad”: Max Weber as Polemicist

Oleg Kildyushov

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University — Higher School of Economics Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000 E-mail: kildyushov@mail.ru

The article deals with the uniquely specific public profile of Max Weber, who, on the one hand, entered the history of social thought as a staunch supporter of the value-free scientific work, and on the other hand, was a passionate polemicist ready to cause a public scandal even for a minor occasion. At the outset, Weber’s ambivalent understanding of the ethos of modern science as a methodically-controlled search for objective knowledge of the world at the edge of the scientist’s self-denial and free from the influence of extra-scientific motives is pointed out. In so doing, the paradoxical combination in Weber’s anthropology of science of the imperatives of analytical sobriety and passionate loyalty to one’s “daemon” is recorded. It has been argued that

his ambivalence was a specific trait of the classicist of German and world sociology, combining his titanic personality with the extremes of a scholarly hermit and a world celebrity with a reputation for unbalanced scandals. Following then are the judgments about the eminent social thinker made by representatives of opposing political currents, both right-wing conservatives and left-wing extremists. On the basis of a number of high-profile scandals that became known to the scientific and general public in early-20th century Germany, the mechanism of Weber's involvement in conflicts with various opponents at the personal and institutional level is demonstrated. The practical significance for Weber himself of his scientific-theoretical and methodological principles, which became canonical for the self-understanding of the modern scholarly profession, is questioned. Finally, the passionate controversy surrounding Weber's famous work *Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism* is analyzed, reconstructed on the example of historian F. Raphael's critique and the response of Weber's *First Anticritique*.

Keywords: Max Weber, science as a profession/vocation, scientist ethos, value neutrality, public sphere, scandals, scientific controversy

References

- Aschenbrenner W. (1917) Die volkswirtschaftlichen Lehrstühle der Universität München. *Allgemeine Rundschau*, no 38, 22 September.
- Dmitriev T. A. (2017) Russkaya revolyutsiya kak opytnoye oproverzheniye sotsializma: versiya Maksa Webera [The Russian Revolution as an Experimental Refutation of Socialism: Max Weber's Version]. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 3, pp. 90-91.
- Filippov A. F. (2020) Maks Weber v nauchnoy polemike. K publikatsii novykh perevodov [Max Weber in scientific controversy. To the publication of new translations]. *Sociology of power*, vol. 32, no 4, pp. 167-179.
- Fischer H. K. (1907) Kritische Beiträge zu Prof. M. Webers Abhandlung: „Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus“. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 25 Band, 1 Heft, pp. 232-242.
- Fischer H. K. (1908) Protestantische Ethik und „Geist des Kapitalismus“: Replik auf Herrn Prof. Max Webers Gegenkritik. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 26 Band, 1 Heft, pp. 270-274.
- Hennis W. (1996) *Max Webers Wissenschaft vom Menschen: neue Studien zur Biographie des Werks*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Ionin L. G. (2016) Vstupitel'naya stat'ya redaktora russkogo izdaniya. Weber M. (2016-2019) Khozyaystvo i obshchestvo: Ocherki ponimayushchey sotsiologii. [Introductory article by the editor of the Russian edition. Weber M. (2016-2019) Economy and society: Essays on understanding sociology]. In 4 vols. Vol. 1. *Sociology*, Moscow: ID HSE.
- Ionin L. G. (2022) Drama zhizni Maksa Webera [The drama of the life of Max Weber], Moscow: Delo.
- Kaube Yu. (2016) Maks Weber: zhizn' na rubezhe epokh [Max Weber: life at the turn of the eras], Moscow: Delo.
- Kildyushov O. V. (2021) Maks Weber i politicheskaya teologiya Fridrikha Naumana [Max Weber and the political theology of Friedrich Naumann]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Sociology, vol. 21, no 4.
- Leichter K. (1963) Max Weber als Lehrer und Politiker. *Max Weber zum Gedächtnis: Materialien und Dokumente zur Bewertung von Werk und Persönlichkeit*. Hrsg. von R. König und J. Winckelmann, Köln und Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 125-142.
- Max Weber-Gesamtausgabe (2016) Band I/13: *Hochschulwesen und Wissenschaftspolitik. Schriften und Reden 1895-1920*. Hrsg. v. M. Rainer Lepsius u. Wolfgang Schluchter in Zus.-Arb. m. Heide-Marie Lauterer u. Anne Munding, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Max Weber-Gesamtausgabe (1988) Band I/16: *Zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918-1920*. Hrsg. v. Wolfgang J. Mommsen, in Zus.-Arb. m. Wolfgang Schwentker, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Max Weber-Gesamtausgabe (2012) Band II/10: *Briefe 1918-1920*. Hrsg. v. Gerd Krumeich u. M. Rainer Lepsius, in Zus.-Arb. m. Uta Hinz, Sybille Oßwald-Bargende u. Manfred Schön, Tübingen: Mohr Siebeck.

- Max Weber-Gesamtausgabe (1998) Band II/7: *Briefe 1911–1912*. Hrsg. v. M. Rainer Lepsius u. Wolfgang J. Mommsen, unter Mitarb. v. Birgit Rudhard u. Manfred Schön, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Rachfahl F. (1898). *Margaretha von Parma, Statthalterin der Niederlande (1559–1567)*. München/Leipzig: Oldenbourg.
- Rachfahl F. (1906–1924). *Wilhelm von Oranien und der niederländische Aufstand*. Bände 1–3. Halle/Haag: Niemeyer/Nijhoff.
- Rachfahl F. (1909) Calvinismus und Kapitalismus. *Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik*, no 39–43.
- Rachfahl F. (1910) Nochmals Calvinismus und Kapitalismus. *Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik*, № 22–25.
- Schluchter W. (2020) *Mit Max Weber*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Schumpeter J. A. (2001) *Istoriya ekonomicheskogo analiza [History of economic analysis]*. In 3 volumes. Ed. V. S. Avtonomova, vol. 3, Sankt-Petersburg: HSE.
- Somary F. (1994) *Erinnerungen eines politischen Meteorologen*, München: Matthes & Seitz.
- Weber M. (1907) Kritische Bemerkungen zu den vorstehenden „Kritischen Beiträgen“. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Band 25, Heft 1, pp. 243–249.
- Weber M. (1908) Bemerkungen zu der vorstehenden „Replik“. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Band 26, Heft 1, pp. 275–283.
- Weber M. (1910a) Antikritisches zum „Geist“ des Kapitalismus. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Band 30, Heft 1, pp. 176–202.
- Weber M. (1910b) Antikritisches Schlusswort zum „Geist“ des Kapitalismus. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Band 31, pp. 554–599.
- Weber M. (1968). *Die protestantische Ethik II. Kritiken und Antikritiken. Eine Aufsatzsammlung*. Hrsg. von Johannes Winckelmann. Hamburg: Siebenstern Taschenbuch Verlag.
- Weber M. (1985) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Hrsg. von Johannes Winckelmann. 6. Aufl., Tübingen: Mohr Siebeck.
- Weber M. (2006a) *Nauka kak prizvaniye i professiya [Science as a vocation and profession]*. Weber M. Izbrannoye: *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Weber M. Selected: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]*, Moscow: ROSSPEN.
- Weber M. (2006b) *Predvaritel'noye zamechaniye [Preliminary note]* Weber M. Izbrannoye: *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Weber M. Selected: Protestant ethics and the spirit of capitalism]*, Moscow: ROSSPEN, pp. 51–52.
- Weber M. (2020a) *Teoriya predel'noy poleznosti i «osnovnoy psikhofizicheskiy zakon» [The theory of marginal utility and the “basic psychophysical law”]*. Per. from German: O. V. Kildyushov. *Sociology of power*, vol. 32, no 4, pp. 204–216.
- Weber M. (2020b) «Energeticheskiye» teorii kul'tury [“Energy” theories of culture]. Per. from German: O. V. Kildyushov. *Sociology of power*, vol. 32, no 4, pp. 180–203.
- Weber M. (2022) *Delovoy otchet Nemetskogo sotsiologicheskogo obshchestva [Business Report of the German Sociological Society]*. Per. from German: O. V. Kildyushov. *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 2, pp. 131–148.